

Обсуждение поэмы Н.В. Гоголя «Мертвые души»

- Встреча проводится в нескольких аудиториях.
- У встречи несколько ведущих – знакомство с каждым из помещиков готовит и проводит отдельный человек.
- В материалах приведены цитаты из произведения, на которые мы опирались при подготовке. Это не значит, что они должны звучать полностью на занятии, скорее, они даны как подсказки ведущему.

Вступление ведущего. Работа с музейным предметом.

Прежде чем мы отправимся в путешествие, я бы хотела напомнить вам замысел Гоголя. Сколько томов он задумал? Три! И не случайно назвал свое произведение поэмой. «Божественная комедия» Данте была одним из источников вдохновения. Первый том – это ад, куда мы спускаемся, чтобы в полной мере осознать пороки русского человека. Чистилище и рай, увы, не были написаны. Понятно теперь, почему чтение вызывает такое тягостное впечатление: кому ж приятно по аду путешествовать.

Свою поэму Гоголь снабдил предисловием – обращением к читателю. В нем есть такие строки:

Недурно также, если бы кто-нибудь такой, кто наделен способностью воображать или живо представлять себе различные положения людей и преследовать их мысленно на разных поприщах, — словом, кто способен углубляться в мысль всякого читаемого им автора или развивать ее, проследил бы пристально всякое лицо, выведенное в моей книге, и сказал бы мне, как оно должно поступить в таких и таких случаях, что с ним, судя по началу, должно случиться далее, какие могут ему представиться обстоятельства новые и что было бы хорошо прибавить к тому, что уже мной описано;

Вот прям к нам обращается, правда? Ведь именно за этим мы и собрались. Он просит читать внимательно, с карандашом. Мы ж так и делаем.

Еще в «Ревизоре» Гоголь хотел собрать в одном месте все дурное, что есть в России, чтобы разом посмеяться над этим, считая смех орудием исправления нравов. Не оставил он эту мысль и позже.

«Если я совершу это творение так, как нужно его совершить, - писал он Жуковскому, - то... **какой огромный, какой оригинальный сюжет!.. Вся Русь явится в нем!**»

«Мне хочется в этом романе **показать хотя бы с одного боку всю Русь**».

Когда Гоголь читал первые главы Пушкину, он надеялся, что тот будет смеяться. Пушкин же мрачнел, а потом воскликнул: **«Боже, как грустна наша Россия!»**

И еще одна цитата:

«Чем более я обдумывал мое сочинение, тем более видел, что не случайно следует мне взять характеры, какие попадутся, но избрать одни те, на которых заметней и глубже отпечатывались истинно русские, коренные свойства наши».

Сегодня мы отправимся вслед за Гоголем в путешествие, чтобы понять, какие пороки Гоголь считал самыми страшными, достойными отдельных образов, выражающими *истинно русские, коренные свойства наши*. И чтобы понять, почему не написаны 2 и 3 тома.

Работа с музейным предметом:

Сначала попросим пространство помочь нам. Каждый подойдет к человеку с табличкой – фамилией помещика, выберет персонажа.

А теперь каждая группа выберет предмет, который поможет вам раскрыть образ.

Перед обсуждением обсуждения образа помещика расскажите, что за предмет выбран и почему. После обсуждения образа: захотелось ли сменить предмет или что-то добавить?

Предмет, с которого я хотела бы начать путешествие – колесо. Именно с рассуждения доедет оно или не доедет начинается поэма. Это символ дороги. В путь!

Проводником будет не Вергилий, а странный тип по фамилии Чичиков.

Какой предмет выбрала группа? Почему?

Путешествие 1.

А теперь отправимся к Манилову, который уже стоит *«в зеленом шалоновом сюртуке, приставив руку ко лбу в виде зонтика над глазами, чтобы рассмотреть получше подъезжавший экипаж. По мере того как бричка близилась к крыльцу, глаза его делались веселее и улыбка раздвигалась более и более»*.

Мы помним, что Чичиков рассчитывал, что доедет быстро. Но вскоре понял, что «если приятель приглашает к себе в деревню за пятнадцать верст, то значит, что к ней есть верных тридцать».

И пока мы едем, **покажите предмет, который выбрали**. Почему он?

Подъезжаем. Игра слов и образов:

Деревня **Маниловка** немногих могла **заманить** своим местоположением. **Дом** господский стоял одиночкой на юру, то есть на возвышении, **открытом всем ветрам, каким только вздумается подуть; покатошь горы**, на которой он стоял, была одета подстриженным дерном. На ней были разбросаны по-английски две-три клумбы с кустами сиреней и желтых акаций; пять-шесть берез небольшими купами кое-где возносили свои мелколистные жиденькие вершины. Под двумя из них видна была **беседка с плоским зеленым куполом, деревянными голубыми колоннами и надписью: «Храм уединенного размышления»**; Поодаль в стороне **темнел каким-то скучно-синеватым цветом** сосновый лес. **Даже самая погода весьма кстати прислужилась**: день был **не то ясный, не то мрачный, а какого-то светло-серого цвета**.

Вот эти ключевые слова: покатошь, плоский, весьма кстати прислужилась, серо-голубые скучно-синеватые цвета, и день не то мрачный не то ясный...все это готовит нас к встрече с человеком, которого Гоголь охарактеризовал: **люди так себе, ни то ни се, ни в городе Богдан, ни в селе Селифан**.

Попробуем понять, почему.

Какое впечатление произвел на вас М?

Мы спустились в первый круг гоголевского – российского ада. Здесь еще герой вызывает сочувствие.

За что же его в ад?

Бездельность. Беспочвенная мечтательность. Желание всем угодить. Воплощение человекоугодия.

Вопрос ЗАЧЕМ? Зачем он не занимается хозяйством, зачем не знает, кто жив. Кто умер, зачем живет, наконец?

В Манилове нет живых желаний, той силы жизни, которая движет человеком, заставляет его совершать какие-то поступки.

Литературоведы придумали такое слово: «маниловщина». Решили, что это общечеловеческое явление. Думаю, Гоголь с ними бы согласился, раз включил этот портрет в галерею типажей.

Что такое маниловщина с вашей т.з.? чем она опасна? Склонность к созданию химер, псевдофилософствованию.

Итак, поместье Манилова — первый круг дантова ада, куда спускается Чичиков, первая стадия «омертвелости» души первая стадия «омертвелости» души (Манилов еще сохраняет симпатию к людям), заключающаяся, по Гоголю, в отсутствии какого бы то ни было отсутствия какого бы то ни было «задора».

Эйдос-конспект:

Создавать эйдос-конспект можно индивидуально или в малых группах. Раздаточный материал для его создания дан в конце статьи.

А теперь приступим к созданию эйдос-конспекта. Это такой вид инфографики, где характеристика образа отталкивается от значимой цитаты. Перед вами лист, папка с цитатами и картинками, фломастеры, клей. Перед вами набор цитат из произведения. Выберите себе ту, которая вам кажется, наиболее точно характеризует Манилова и маниловщину. Приклейте на свой лист.

А теперь из картинок выберите ту, что приглянется, что будет иллюстрацией к вашей цитате. Если такой нет, нарисуйте свою. Это может быть просто символ.

Располагайте в произвольном порядке, но учтите, что у нас на листе должно уместиться 6 человек.

Вопрос про музейный предмет: верен или выбор? Захотелось ли что-то добавить, поменять? А, м.б., этот предмет рассказал вам что-то новое?

Путешествие 2.

А пока вы прощаетесь с Маниловым, наш герой уже выехал к Собакевичу. Как он думает. Но по дороге кучер его заблудился, началась гроза, наступила ночь. Он промок, упал, весь в грязи. Мечтает только об одном — выспаться. И попадает к Коробочке.

Музейный предмет.

Кто же такая Коробочка?

Это одна из тех матушек, небольших помещиц, которые плачутся на неурожаи, убытки и держат голову несколько набок, а между тем набирают понемногу деньжонок в пестрядевые мешочки, размещенные по ящикам комодов. В один мешочек отбирают всё целковики, в другой полтиннички, в третий четвертачки, хотя с виду и кажется, будто бы в комод ничего нет, кроме белья, да ночных кофточек, да нитяных моточков, да распоротого салопы, имеющего потом обратиться в платье, если старое как-нибудь прогорит во время печения праздничных лепешек со всякими пряженцами или поизотрется само собою. Но не сгорит платье и не изотрется само собою; бережлива старушка, и салопу суждено пролежать долго в распоротом виде, а потом достаться по духовному завещанию племяннице внучатой сестры вместе со всяким другим хламом.

Пошли?

Мы заходим с извинениями, что побеспокоили неожиданным приездом. Коробочка встречает нас со словами:

— Ничего, ничего! В какое это время вас Бог принес! Сумятица и вьюга такая... С дороги бы следовало поесть чего-нибудь, да пора-то ночная, приготовить нельзя.

- Ничего, кроме постели, не надо. А далеко ли до Собакевича?

- нет такого помещика в округе.

- А до города далеко?

— А верст шестьдесят будет. Как жаль мне, что нечего вам покушать! не хотите ли, батюшка, выпить чаю?

— Благодарю, матушка. Ничего не нужно, кроме постели.

— Правда, с такой дороги и очень нужно отдохнуть. Вот здесь и расположитесь, батюшка, на этом диване. (обращается к любой из пришедших женщин): Эй, Фетинья, принеси перину, подушки и простыню. Какое-то время послал Бог: гром такой — у меня всю ночь горела свеча перед образом. Эх, отец мой, да у тебя-то, как у борова, вся спина и бок в грязи! где так изволил засалиться?

— Еще слава Богу, что только засалился, нужно благодарить, что не отломал совсем боков.

— Святители, какие страсти! Да не нужно ли чем потереть спину?

— Спасибо, спасибо. Не беспокойтесь, а прикажите только вашей девке повисушить и вычистить мое платье.

— Слышишь, Фетинья! Ты возьми ихний-то кафтан вместе с исподним и прежде просуши их перед огнем, как дельвали покойнику барину, а после перетри и выколоти хорошенько.

— Ну, вот тебе постель готова, — сказала хозяйка. — Прощай, батюшка, желаю покойной ночи. Да не нужно ли еще чего? Может, ты привык, отец мой, чтобы кто-нибудь почесал на ночь пятки? Покойник мой без этого никак не засыпал.

Все рассаживайтесь, а пока Чичиков спит, расскажу, что он увидит, когда проснется утром.

Комнатку я ему приготовила уютную. Платье его было высушено и выглажено. Окна его выходили на двор, у меня там индейкам и курам нет числа; свинья с семейством очутилась тут же; тут же, разгребая кучу сора, съела она мимоходом цыпленка, но даже не заметила. А за забором у меня пространные огороды с капустой, луком, картофелем, свеклой и прочим хозяйственным овощем. И деревья фруктовые есть, вон там пугало в моем чепце стоит. Деревня крепкая, у каждого мужика все в хозяйстве в порядке. А что мухи его разбудили, так у всех мухи, не у меня одной.

Да, разрешите представиться: Коробочка Настасья Петровна. Вдова коллежского секретаря.

Как проснулся, вышел, я ему чайку с фруктовой настойкой прихлебнуть предложила. А потом странный разговор он затеял. Никак я не могла понять, кто он: заседатель ли, покупатель? А потом стал расспрашивать, много ли у меня крестьян померло. А я и в толк не возьму, зачем ему это? Говорю:

— Ох, батюшка, осьмнадцать человек! И умер такой всё славный народ, всё работники.

А он вроде как сочувствует:

— На все воля Божья, матушка! против мудрости Божией ничего нельзя сказать... Уступите-ка их мне, Настасья Петровна?

— Кого, батюшка?

— Да вот этих-то всех, что умерли.

— Да как же уступить их?

— Да так просто. Или, пожалуй, продайте. Я вам за них дам деньги.

— Да как же? Я, право, в толк-то не возьму. Нешто хочешь ты их откапывать из земли?

Тут он что-то про то, что они мне в убыток... У меня аж глаза выпучились.

— Да на что ж они тебе? — спрашиваю.

— Это уж мое дело.

— Да ведь они ж мертвые.

Он снова засуетился, 15 рублей пообещал. А я так с расстановочной говорю:

— Право, не знаю, ведь я мертвых никогда еще не продавала. Проку от них никакого нет. Меня только то и затрудняет, что они уже мертвые.

Он стал сулить, что и купчую сам сделает. Я задумалась. Дело, точно, как будто выгодно, да только уж слишком новое и небывалое; а потому я начала сильно побаиваться, чтобы как-нибудь не надул меня этот покупатель; приехал же Бог знает откуда, да еще и в ночное время. Я и отвечаю:

— Право, я боюсь на первых-то порах, чтобы как-нибудь не понести убытку. Может быть, ты, отец мой, меня обманываешь, а они того... они больше как-нибудь стоят.

Тут он сердиться начал, вспотел весь, потом снова меня уговаривал, а я ему:

— Право, мое такое неопытное вдовье дело! лучше ж я маленько повременю, авось понаедут купцы, да применюсь к ценам.

А он:

— Страм, страм, матушка! просто страм! Ну что вы это говорите, подумайте сами! Кто же станет покупать их? Ну какое употребление он может из них сделать?

А я:

— А может, в хозяйстве-то как-нибудь под случай понадобятся...

Тут он вышел совершенно из границ всякого терпения, хватил в сердцах стулом об пол и посулил мне черта, чего я испугалась необыкновенно, ведь он третьего дня всю ночь мне снился окаанный. Такой гадкий привиделся; а рога-то длиннее бычачьих.

— Я дивлюсь, как они вам десятками не снятся. Из одного христианского человеколюбия хотел: вижу, бедная вдова убивается, терпит нужду... да пропади и околеи со всей вашей деревней!..

— Ах, какие ты забранки пригинаешь! — говорю, - Знай я прежде, что ты такой сердитый, да я бы совсем тебе и не прекословила.

В общем, продать — продала, а только сомнения меня до сих пор мучают: не продешевила ли? Надо бы в город съездить, переспрашивать, поразузнать. А пока хорошо бы было, если бы он забирал у меня в казну муку и скотину. Нужно его задобрить: теста со вчерашнего вечера еще осталось, так пойти сказать Фетинье, чтоб спекла блинов, да еще кое-чего.

И вам, господа, прошу покорно закусить, чем Бог послал. Может, и вы у меня что купите...

После путешествия:

Все переходят к накрытому столу, на котором что-то из этого:

«Чичиков оглянулся и увидел, что на столе стояли уже грибки, пирожки, скородумки, шанишки, пряглы, блины, лепешки со всякими припеками: припекой с лучком, припекой с маком, припекой с творогом, припекой со сняточками, и невесть чего не было. — Пресный пирог с яйцом! — сказала хозяйка».

А пока едим, вспомним, что Гоголь считает, что «Чичиков напрасно сердился: иной и почтенный, и государственный даже человек, а на деле выходит совершенная Коробочка. Как зарубил что себе в голову, то уж ничем его не пересилишь; сколько ни представляй ему доводов, ясных как день, все отскакивает от него, как резиновый мяч отскакивает от стены».

А еще вспомним, как говорил с ней Ч. Так ли, как с Маниловым?

Читатель, я думаю, уже заметил, что Чичиков, несмотря на ласковый вид, говорил, однако же, с большею свободою, нежели с Маниловым, и вовсе не церемонился. Надобно сказать, что у нас на Руси если не угнались еще кой в чем другом за иностранцами, то далеко перегнали их в умении обращаться. Пересчитать нельзя всех оттенков и тонкостей нашего обращения. Француз или немец век не смекнет и не поймет всех его особенностей и различий; он почти тем же голосом и тем же языком станет говорить и с миллионщиком, и с мелким табачным торгашом, хотя, конечно, в душе поподличает в меру перед первым. У нас не то: у нас есть такие мудрецы, которые с помещиком, имеющим двести душ, будут говорить совсем иначе, нежели с тем, у которого их триста, а с тем, у которого их триста, будут говорить опять не так, как с тем, у которого их пятьсот, а с тем, у которого их пятьсот, опять не так, как с тем, у которого их восемьсот, — словом, хоть восходи до миллиона, всё найдутся оттенки. Положим, например, существует канцелярия, не здесь, а в тридевятом государстве, а в канцелярии, положим, существует правитель канцелярии. Прошу посмотреть на него, когда он сидит среди своих подчиненных, — да просто от страха и слова не выговоришь! гордость и благородство, и уж чего не выражает лицо его? просто бери кисть, да и рисуй: Прометей, решительный Прометей! Высматривает орлом, выступает плавно, мерно. Тот же самый орел, как только вышел из комнаты и приближается к кабинету своего начальника, куропаткой такой спешит с бумагами под мышкой, что мочи нет. В обществе и на вечеринке, будь все небольшого чина, Прометей так и останется Прометеем, а чуть немного повыше его, с Прометеем сделается такое превращение, какого и Овидий не выдумает: муха, меньше даже мухи, уничтожился в песчинку! «Да это не Иван Петрович, — говоришь, глядя на него. — Иван Петрович выше ростом, а этот и низенький, и худенький; тот говорит громко, басит и никогда не смеется, а этот черт знает что: пищит птицей и все смеется». Подходишь ближе, глядишь — точно Иван Петрович! «Эх-хе», — думаешь себе...

Чичиков зеркалит, меняется вслед за своими собеседниками.

Зачем автор рассказал о Коробочке? Что же «истинно русского, коренного» в этом персонаже?

Бережливость, хозяйственность, скупость. Сеть на фруктовых деревьях, чепец на чучеле — самые значимые детали, они говорят о том, что у Коробочки до всего доходят руки, ничто не пропадает в её хлопотливом хозяйстве.

В фольклорной традиции птицы, которые упоминает автор, описывая хозяйство Коробочки (индюки, куры, сороки, воробьи) символизируют глупость, бессмысленную хлопотливость.

Метонимический перенос Гоголя — чучело на длинном шесте в чепце хозяйки — пародия, двойник Коробочки. Это усиливает бессмыслицу бережливости одинокой вдовы, которая копит неизвестно для кого и не видит дальше своего носа.

Сама фамилия о чем говорит?

Коробочка – копилочка, слова-синонимы. Она копит, складывает. Крохоборная, скупая, живет в скорлупе.

Другой синоним Коробочки – пестрядевый мешочек.

- После беседы с Коробочкой Чичиков был весь в поту, как в реке: все, что было на нем, начиная от рубашки до чулок, все было мокро.

Чем же уморила Коробочка Чичикова?

Коробочка уморила Чичикова своей бестолковостью, подозрительностью, скупостью, упрямством.

Почему же она мертвая душа?

Проходят десятилетия, а старушечий быт остается неизменным, она ничем не интересуется, живет в глуши, в ее жизни нет никаких событий, она примитивна, скучна, поэтому Коробочка духовно мертва, ее можно назвать «мертвой душой»

Но впереди у Чичикова дорога, и он спешит к своей бричке. Гоголь, прощаясь с Коробочкой, восклицает: «Коробочка ли, Манилов ли, хозяйственная ли жизнь или не хозяйственная – мимо них!»

— Как вы понимаете эти слова Гоголя? Все одно – мертвые.

Вопрос про музейный предмет: верен или выбор? Захотелось ли что-то добавить, поменять? А, м.б., этот предмет рассказал вам что-то новое?

А вот вам цитаты и картинки **для картины – эйдос-конспекта.**

Путешествие 3.

Ноздрев

Музейный предмет.

Следующей остановкой Чичикова был трактир. Господа средней руки, на зависть автору, любили и умели поест. Но мы не будем заказывать поросенка с хреном и со сметаной, сделаем перерыв. Или закажем?

Тут врывается Ноздрев, пристает к ведущему:

— Ба, ба, ба! — вскричал он вдруг, расставив обе руки при виде Чичикова. — Какими судьбами— Куда ездил? — говорил Ноздрев и, не дождавшись ответа, продолжал: — А я, брат, с ярмарки. Поздравь: продулся в пух! Веришь ли, что никогда в жизни так не продувался. Ведь я на обывательских приехал! Вот посмотри нарочно в окно! — Здесь он нагнул сам голову Чичикова, так что тот чуть не ударился ею об раму. — Видишь, какая дрянь! Насилу дотащили, проклятые.

Ну, брат, если б ты знал, как я продулся! Поверишь ли, что не только убухал четырех рысаков — всё спустил. Ведь на мне нет ни цепочки, ни часов... А ведь будь только двадцать рублей в кармане, — продолжал Ноздрев, — именно не больше как двадцать, я отыграл бы всё, то есть кроме того, что отыграл бы, вот как честный человек, тридцать тысяч сейчас положил бы в бумажник.

И дальше я должен нести всякую чушь, врать без толку, и уговорить вас ехать ко мне. Там я два часа буду таскать вас по имению, показывая то, чего у меня нет, а потом поить всякими жуткими напитками, уговаривать сыграть в карты... А как мы в шашки играли! Может, сыграем? Вы будете:

- Давненько не брал я в руки шашек!

А я:

- Знаем мы вас, как вы плохо играете!

Не хотите? А потом затею драку.

Да, если что, я среднего роста, очень недурно сложенный молодец с полными румяными щеками, с белыми, как снег, зубами и черными, как смоль, бакенбардами. Свеж, как кровь с молоком; здоровье, казалось, так и прыскает с моего лица. Ноздрев моя фамилия.

Можно, я не буду всего этого делать?

Когда я читал главу, у меня возникло несколько вопросов, на которые я не смог ответить. Позволю себе зачитать фрагмент:

Лицо Ноздрева верно уже сколько-нибудь знакомо читателю. **Таких людей приходилось всякому встречать немало.** Они называются разбитными малыми, слынут еще в детстве и в школе за хороших товарищей и при всем том бывают весьма больно поколачиваемы. В их лицах всегда видно что-то открытое, прямое, удалое. Они скоро знакомятся, и не успеешь оглянуться, как уже говорят тебе «ты». Дружбу заведут, кажется, навек: но всегда почти так случается, что подружившийся подерется с ними того же вечера на дружеской пирушке. Они всегда говоруны, кутилы, лихачи, народ видный. ... Дома он больше дня никак не мог усидеть. Чуткий нос его слышал за несколько десятков верст, где была ярмарка со всякими съездами и балами; он уж в одно мгновение ока был там, спорил и заводил сумятицу за зеленым столом, ибо имел, подобно всем таковым, страстишку к картишкам. В картишки... играл он не совсем безгрешно и чисто, зная много разных передержек и других тонкостей, и потому игра весьма часто оканчивалась другою игрою: или поколачивали его сапогами, или же задавали передержку его густым и очень хорошим бакенбардам, ... И что всего страннее, что может только на одной Руси случиться, он чрез несколько времени уже встречался опять с теми приятелями, которые его тузили, и встречался как ни в чем не бывало, и он, как говорится, ничего, и они ничего.

Ноздрев был в некотором отношении **исторический человек.** Ни на одном собрании, где он был, не обходилось без истории. Какая-нибудь история непременно происходила: или выведут его под руки из зала жандармы, или принуждены бывают вытолкать свои же приятели. Если же этого не случится, то все-таки что-нибудь да будет такое, чего с другим никак не будет: или нарежется в буфете таким образом, что только смеется, или провретя самым жестоким образом, так что наконец самому сделается совестно. И наврет совершенно без всякой нужды: вдруг расскажет, что у него была лошадь какой-нибудь голубой или розовой шерсти, и тому подобную чепуху...

Есть люди, имеющие страстишку нагадить ближнему, иногда вовсе без всякой причины. ...Такую же странную страсть имел и Ноздрев. Чем кто ближе с ним сходил, тому он скорее всех насаливал: распускал небылицу, глупее которой трудно выдумать, расстроивал свадьбу, торговую сделку и вовсе не почитал себя вашим неприятелем; напротив, если случай приводил его опять встретиться с вами, он обходился вновь по-дружески и даже говорил: «Ведь ты такой подлец, никогда ко мне не заедешь».

Ноздрев во многих отношениях **был многосторонний человек,** то есть человек на все руки. В ту же минуту он предлагал вам ехать куда угодно, хоть на край света, войти в какое хотите предприятие, менять все что ни есть на все, что хотите. Ружье, собака, лошадь — все было предметом мены, но

вовсе не с тем, чтобы выиграть: это происходило просто от какой-то неугомонной юркости и бойкости характера. Если ему на ярмарке посчастливилось напасть на простака и обыграть его, он накупал кучу всего, что прежде попадалось ему на глаза в лавках: хомутов, курительных свечек, платков для няньки, жеребца, изюму, серебряный рукомойник, голландского холста, крупичатой муки, табаку, пистолетов, селедок, картин, точильный инструмент, горшков, сапогов, фаянсовую посуду — насколько хватало денег. Впрочем, редко случалось, чтобы это было довезено домой; почти в тот же день спускалось оно все другому, счастливейшему игроку, иногда даже прибавлялась собственная трубка с кисетом и мундштуком, а в другой раз и вся четверня со всем: с коляской и кучером, так что сам хозяин отправлялся в коротеньком сюртучке или архалуке искать какого-нибудь приятеля, чтобы попользоваться его экипажем. Вот какой был Ноздрев! Может быть, назовут его характером избитым, станут говорить, что теперь нет уже Ноздрева. Увы! несправедливы будут те, которые станут говорить так. Ноздрев долго еще не выведется из мира. Он везде между нами и, может быть, только ходит в другом кафтане; но легкомысленно-непроницательны люди, и человек в другом кафтане кажется им другим человеком.

Вопрос: действительно ли такие люди до сих пор есть? Гоголь не верил, что они исчезнут. Но я таких не встречал. Кто они в наше время?

Кстати, у Гоголя ж фамилии говорящие. **Почему Ноздрев?** Не Буянов какой-нибудь? Я бы мог и Собакевичем быть, ведь единственная моя страсть и семья — это собаки. Где ассоциативная связь между моей фамилией и характером?

(А о каком продукте часто говорят «ноздреватый»? (О сыре: дырочки - это пустота.)

Раздувание ноздрей – гнев, норов).

Но так ли уж я духовно пуст? Я довольно умен, любознателен. Я единственный из помещиков догадался спросить, зачем Чичикову мертвые души. Я даже понял, что он мошенник:

— Ну да ведь я знаю тебя: ведь ты большой мошенник, позволь мне это сказать тебе по дружбе! Ежели бы я был твоим начальником, я бы тебя повесил на первом дереве.

В отличие от других помещиков, я деятелен, активен, во мне много силы, здоровья, энергии. Что в этом плохого? Я самый что ни на есть живой, почему же меня определили в мертвые души?

1. Как вы думаете, есть ли будущее у Ноздрева? Может ли измениться этот герой, и если да, то какие черты характера могли бы ему в этом помочь?

Не стоит забывать и о том, что своей задачей Гоголь считал «выставить пошлость пошлого человека не с целью осмеять его, а с тем, чтобы заставить негодовать на пошлость». Способность русского человека после ошибки сделать правильные выводы и исправиться должна была в полной мере отразиться в следующих томах. Возродиться, по замыслу автора, должен не только Чичиков, но и другие герои поэмы. На вопрос одного из своих собеседников, воскреснут ли прочие персонажи первого тома, Гоголь с улыбкой отвечал: «Если захотят». Он не отказывал в духовном возрождении никому и полагал это одной из высших способностей, дарованных русскому человеку. Это путь, считал великий писатель, открыт всем.

Вопрос про музейный предмет: верен или выбор? Захотелось ли что-то добавить, поменять? А, м.б., этот предмет рассказал вам что-то новое?

Выберем цитату, приклеим или нарисуем картинку.

Путешествие 4.

Собакевич.

Музейный предмет.

Игра. Опишите помещение, например, свою комнату. А мы подумаем, что, не зная человека, мы сможем сказать о его хозяине.

Что может сказать нам о Собакевиче его деревня?

«Деревня показалась ему довольно велика; два леса, березовый и сосновый, как два крыла, одно темнее, другое светлее, были у ней справа и слева; посреди виднелся деревянный дом с мезонином, красной крышей и темно-серыми или, лучше, дикими стенами, — дом вроде тех, как у нас строят для военных поселений и немецких колонистов. Было заметно, что при постройке его зодчий беспрестанно боролся со вкусом хозяина. Зодчий был педант и хотел симметрии, хозяин — удобства и, как видно, вследствие того заколотил на одной стороне все отвечающие окна и повертел на место их одно маленькое, вероятно понадобившееся для темного чулана. Фронтон тоже никак не пришелся посреди дома, как ни бился архитектор, потому что хозяин приказал одну колонну сбоку выкинуть, и оттого очутилось не четыре колонны, как было назначено, а только три. Двор окружен был крепкою и непомерно толстою деревянною решеткой. Помещик, казалось, хлопотал много о прочности. На конюшни, сараи и кухни были употреблены полновесные и толстые бревна, определенные на вековое стояние. Деревенские избы мужиков тож срублены были на диво: не было кирпичных стен, резных узоров и прочих затей, но все было пригнано плотно и как следует. Даже колодец был обделан в такой крепкий дуб, какой идет только на мельницы да на корабли. Словом, все, на что ни глядел он, было упористо, без пошатки, в каком-то крепком и неуклюжем порядке. Подъезжая к крыльцу, заметил он выглянувшие из окна почти в одно время два лица: женское, в чепце, узкое, длинное, как огурец, и мужское, круглое, широкое, как молдаванские тыквы, называемые горлянками, из которых делают на Руси балалайки, двухструнные легкие балалайки, красу и потеху ухватливого двадцатилетнего парня, мигача и щеголя, и подмигивающего, и посвистывающего на белогрудых и белошейных девиц, собравшихся послушать его тихострунного треньканья. Выглянувши, оба лица в ту же минуту спрятались. На крыльцо вышел лакей в серой куртке с голубым стоячим воротником и ввел Чичикова в сени, куда вышел уже сам хозяин. Увидев гостя, он сказал отрывисто: «Прошу!» — и повел его во внутренние жилища».

«Хозяин, будучи сам человек здоровый и крепкий, казалось, хотел, чтобы и комнату его украшали тоже люди крепкие и здоровые.»

«...все было прочно, неуклюже в высочайшей степени и имело какое-то странное сходство с самим хозяином дома; в углу гостиной стояло пузатое ореховое бюро на пренелепых четырех ногах, совершенный медведь. Стол, кресла, стулья — все было самого тяжелого и беспокойного свойства, — словом, каждый предмет, каждый стул, казалось, говорил: «И я тоже Собакевич!» или: «И я тоже очень похож на Собакевича!»

Игра в ассоциации: на какое животное похож каждый из нас? И почему?

А что за человек, который похож на средней величины медведя?

«Когда Чичиков взглянул искоса на Собакевича, он ему на этот раз показался весьма похожим на средней величины медведя. Для довершения сходства фрак на нем был совершенно медвежьего цвета, рукава длинные, панталоны длинные, ступнями ступал он и вкривь и вкось и наступал беспрестанно на чужие ноги. Цвет лица имел каленый, горячий, какой бывает на медном пятаке. Известно, что есть много на свете таких лиц, над отделкою которых натура недолго мудрила, не употребляла никаких мелких инструментов, как-то: напильников, буравчиков и прочего, но просто рубила со всего плеча:хватила топором раз — вышел нос,хватила в другой — вышли губы, большим сверлом ковырнула глаза и, не обскобливши, пустила на свет, сказавши:

«Живет!» Такой же самый крепкий и на диво стаченный образ был у Собакевича: держал он его более вниз, чем вверх, шеей не ворочал вовсе и в силу такого неповорота редко глядел на того, с которым говорил, но всегда или на угол печки, или на дверь. Чичиков еще раз взглянул на него искоса, когда проходили они столовую: медведь! совершенный медведь!»

Как идет торг?

— И так?.. — сказал Чичиков, ожидая не без некоторого волнения ответа.

— Вам нужно мертвых душ? — спросил Собакевич очень просто, без малейшего удивления, как бы речь шла о хлебе.

— Да, — отвечал Чичиков и опять смягчил выражение, прибавивши, — несуществующих.

— Найдутся, почему не быть... — сказал Собакевич.

— А если найдутся, то вам, без сомнения... будет приятно от них избавиться?

— Извольте, я готов продать, — сказал Собакевич, уже несколько приподнявши голову и смекнувши, что покупатель, верно, должен иметь здесь какую-нибудь выгоду.

«Черт возьми, — подумал Чичиков про себя, — этот уж продает прежде, чем я заикнулся!» — и проговорил вслух:

— А, например, как же цена?.. хотя, впрочем, это такси предмет... что о цене даже странно...

— Да чтобы не запрашивать с вас лишнего, по сту рублей за штуку! — сказал Собакевич.

Сделка ведется так, что Чичиков попал сразу как бы в кулацкие тиски Собакевича, быстро понявшего смысл предстоящей сделки и возможность выгоды. Чичиков продолжает разговор в том же осторожном стиле: "А если найдутся, то вам, без сомнения..., будет приятно от них избавиться?" На что Собакевич столь же лаконично отвечает: "Извольте, я готов продать". Чичиков: "Хотя, впрочем, это конечно такой предмет... , что о цене даже странно...". Но Собакевич тем же тоном отрезает: "По сту рублей за штуку". Первую скрипку в сделке играет Собакевич. Чичикову удается вставлять лишь отдельные осторожные реплики с целью несколько осадить, образумить увлекшегося, прижимистого торгаша.

Собакевич похож на Коробочку, торгуется до последнего, не хочет продешевить.

Уверен, что все в этом мире продается и покупается.

Неумение видеть красоту, ненависть к культуре и просвещению, осуждение всех и вся.

«Как взглянул он на его спину, широкую, как у вятских приземистых лошадей, и на ноги его, походившие на чугунные тумбы, которые ставят на тротуарах, не мог не воскликнуть внутренне: «Эк наградил-то тебя Бог! вот уж точно, как говорят, неладно скроен, да крепко сшит!.. Родился ли ты уж так медведем, или омедведила тебя захолустная жизнь, хлебные посева, возня с мужиками, и ты чрез них сделался то, что называют человек-кулак? Но нет: я думаю, ты все был бы тот же, хотя бы даже воспитали тебя по моде, пустили бы в ход и жил бы ты в Петербурге, а не в захолустье. Вся разница в том, что теперь ты упишешь полбараньего бока с кашей, закусивши ватрушкою в тарелку, а тогда бы ты ел какие-нибудь котлетки с трюфелями. Да вот теперь у тебя под властью мужики: ты с ними в ладу и, конечно, их не обидишь, потому что они твои, тебе же будет хуже; а тогда бы у тебя были чиновники, которых бы ты сильно пощелкивал, смекнувши, что они не твои же крепостные, или грабил бы ты казну! Нет, кто уж кулак, тому не разогнуться в ладонь! А разогни кулаку один или два пальца, выйдет еще хуже. Попробуй он слегка верхушек какой-нибудь науки, даст он знать потом, занявши место повиднее, всем тем, которые в самом деле узнали какую-нибудь науку.

Да еще, пожалуй, скажет потом: „Дай-ка себя покажу!“ Да такое выдумает мудрое постановление, что многим придется солоно... Эх, если бы все кулаки!..»

Тема богатырей звучит рядом с описанием ноги Собакевича, и вслед за автором мы слышим тему трогательной и щемящей душу тоски: "Человеку даны великие силы для свершения великих дел, а каким мелким суетным делам посвящает человек свою жизнь?"

Нога Собакевича "исполинского размера" значит, что он должен был бы идти по жизни широкими шагами, свершая великие дела. Но как неумело и неуклюже движется эта нога...

Рядом с Собакевичем постоянно упоминается деталь - "нога". За пристальным вниманием автора к этой детали можно прочесть мысль о прохождении человеком жизненного пути.

Так почему же душа мертвая?

Вопрос про музейный предмет: верен или выбор? Захотелось ли что-то добавить, поменять? А, м.б., этот предмет рассказал вам что-то новое?

А вот вам цитаты и картинки **для картины.**

Путешествие 5.

Плюшкин

Музейный предмет.

Почему душа мертвая?

В процессе обсуждения участники объединяются в три группы. Первая создает музыкально-шумовую композицию, вторая и третья вживаются в образы Чичикова и Плюшкина. Сначала пытаются ходить, как их герой, думать, выглядеть. Все это «броуновское движение» происходит под звуковой ряд – результат работы первой группы. Есть реквизит (ткань, мешковина и т.п. для Плюшкиных, перчатки, манишки и т.п. для Чичиковых). Потом каждый Чичиков выбирает себе одного Плюшкина в пару и пытается у него что-либо купить (какую-то ненужную мелочь). Через 10 минут происходит обмен впечатлениями.

Вопрос про музейный предмет: верен или выбор? Захотелось ли что-то добавить, поменять? А, м.б., этот предмет рассказал вам что-то новое?

А вот вам цитаты и картинки **для картины.**

Заключение.

Мы вернулись из путешествия. Помните, каким красивым фрагментом про Русь-тройку заканчивается первый том?

У В. М. Шукшина есть рассказ «Забуксовал».

Герой рассказа, слушая, как его сын зубрит заданный на дом отрывок о птице-тройке из «Мёртвых душ», невольно задумывается над вопросом:

«— А кого везут-то? Кони-то? Этого... Чичикова? — Роман даже привстал в изумлении. Прошёлся по горнице. Точно, Чичикова везут. Этого хмыря везут, который мёртвые души скупал, ездил по краю. Ёлкина мать!.. вот так троечка!

— Валерк, — позвал он. — А кто на тройке-то едет?

— Селифан.

— Селифан-то, Селифан! То же — кучер. А кого он везёт-то, Селифан-то?

— Чичикова.

— Так... Ну? А тут Русь-тройка... А?

— Ну. И что?

— Как что? Как что? Русь-тройка, всё гремит, всё заливаётся, а в тройке — прохиндей, шулер...»?

герой рассказа видит противоречие:

Каким же образом в тройке, олицетворяющей вдохновлённую Богом Русь, может находиться подлец, человек бесчестный и безнравственный? Почему в будущее, куда несётся эта Русь-тройка, Гоголь отправляет самого «мёртвого» из всех своих персонажей? Неужели писатель видел грядущее России столь ужасным?

Хотя Чичиков является «собирателем» основных черт практически всех персонажей поэмы, но он обладает такими качествами, которых нет у помещиков и чиновников, а именно: энергией, волей, целеустремлённостью, цепкостью, выживаемостью в любых условиях и в любые времена, терпеливостью, настойчивостью.

Взятые отдельно от личности Чичикова, эти качества вовсе не отрицательные, а очень даже положительные. Другое дело, на достижение каких целей они направлены.

Чичиков — живая душа или мёртвая?

Способная к возрождению.

Гоголь подробно воспроизводит «формирование души» своего героя и целенаправленно подводит читателя к выводу, что в тех условиях, в которых он рос, усваивал отцовскую философию, служил, ничего другого не могло и получиться. Это, безусловно, несколько не оправдывает героя, но показывает, что он способен меняться. Поэтому именно Чичиков, по замыслу Гоголя должен был пройти через горнило испытаний и страданий, осознать несправедность своего пути и возродиться к новой жизни.

И поэтому именно Чичикова везёт «вдохновенная Богом» Русь-тройка.

НО... Но грандиозный замысел Гоголя остался незавершённым. Как вы думаете, почему читатель не видит ни страданий, ни тем более перерождения главного героя.

Исследование характера Чичикова в I томе заканчивается словами, обращёнными к читателям: «А нет ли и во мне какой-нибудь части Чичикова? — Да, как бы не так!»

Человек — это арена постоянной, непрекращающейся борьбы светлых и тёмных сил за живую человеческую душу.

Осталось только подвести итог. Давайте посмотрим на наши эйдос-конспекты. Обсудим, что у кого получилось.

Поиграем: ответим на два вопроса. «Какое из качеств человеческого характера мне кажется наиболее отвратительным, и я никогда не позволю поселиться ему в моей душе?»

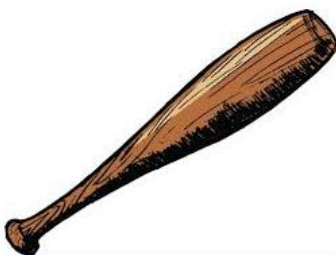
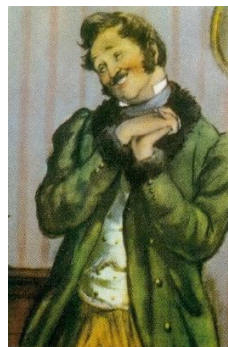
Ответ запишите на листе, заверните край, закрыв свой ответ, и передайте лист сидящему за вами товарищу.

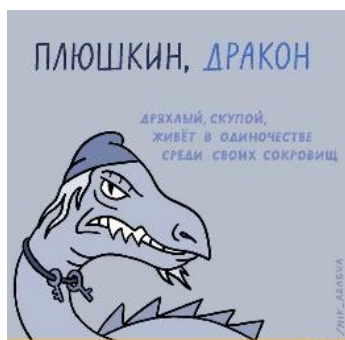
«Какое качество характера мне кажется самым важным для человека, и мне хотелось бы обладать им?»

Давайте посмотрим, что у нас получилось. Наша собственная лестница вниз и вверх.

Раздаточный материал для эйдос-конспекта

Изображения взяты из открытых источников Интернета.

«...какой огромный, какой оригинальный сюжет!.. Вся Русь явится в нем!»

«Мне хочется в этом романе показать хотя бы с одного боку всю Русь».

«Боже, как грустна наша Россия!»

Ноздрев

«Имел... страстишку нагадить ближнему»

**«Во многих отношениях был многосторонний человек,
то есть человек на все руки».**

**«Ноздрев был среди их (собак)
совершенно как отец среди семейства»**

**«...в шарманке была одна дудка
очень бойкая, никак не хотевшая угомониться,
и долго еще потом свистела она одна».**

«Поздравь: продулся в пух!»

**« ...Эх, братец, как покутили!
Теперь даже, как вспомнишь...»**

**«Ноздрев был в некотором отношении
исторический человек. Ни на одном
собрании, где он был, не обходилось без истории».**

**«...это происходило просто
от какой-то неугомонной
юркости и бойкости характера».**

Собакевич

«показался весьма похожим

на средней величины медведя»

«медведь! совершенный медведь!»

«Собакевич не любил ни о ком хорошо отзываться».

«неладно скроен, да крепко сшит!...»

«Нет, кто уж кулак, тому не разогнуться в ладонь!

А разогни кулаку один или два пальца, выдет еще хуже».

Плюшкин

«И до такой ничтожности, мелочности,

гадости мог снизойти человек!»

— А, заплатанной, заплатанной! — вскрикнул мужик.

«...какого пола была фигура: баба или мужик»

«Никак бы нельзя было сказать,

чтобы в комнате сей обитало

живое существо»

«маленькие глазки еще не потухнули

и бегали из-под высоко выросших бровей, как мыши»

«...как трудолюбивый паук,

бегал хлопотливо, но расторопно,

по всем концам своей хозяйственной паутины».

Манилов

«люди так себе, ни то ни се,
ни в городе Богдан, ни в селе Селифан»

«в эту приятность, казалось,
чересчур было передано сахару»

«...если ж не отойдешь,
почувствуешь скуку смертельную»

«...у всякого есть свое,
но у Манилова ничего не было»

«майский день...»

«именины сердца...»

«препочтеннейший и
прелюбезнейший человек»

«обворожают всех
приятностию обращения»

«чтобы этак расшевелило душу, д
ало бы, так сказать, паренье этакое...»

«...в лице своем выражение
не только сладкое,
но даже приторное»

«Позвольте вам этого не позволить!»

Коробочка

«Ну, баба, кажется, крепколюбая!» «Эк ее, дубинноголовая какая!»

«Пойди ты сладь с нею!

в пот бросила, проклятая старуха!»

**«...одна из тех матушек, небольших помещиц,
которые плачутся на неурожаи, убытки
и держат голову несколько набок,
а между тем набирают понемногу деньжонок
в пестрядовые мешочки,
размещенные по ящикам комодов».**

**«Может, ты привык, отец мой,
чтобы кто-нибудь почесал на ночь пятки?»**

**«— Право, не знаю, —
произнесла хозяйка с расстановкой».**

**«...мое такое неопытное вдовье дело!
лучше ж я маненько повременю,
авось понаедут купцы, да применюсь к ценам».**

**«Да чего ж ты рассердился так горячо?
Знай я прежде, что ты такой сердитый, д
а я бы совсем тебе и не прекословила».**